



ОСКОЛКИ ОДНОГО ЗЕРКАЛА: ТЮРКО-ТАТАРСКИЕ ХАНСТВА В ПОИСКАХ СВОЕГО ПУТИ ПОСЛЕ РАСПАДА УЛУСА ДЖУЧИ

Сень Дмитрий Владимирович

Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Россия
dsen1974@mail.ru

Трепавлов Вадим Винцерович

Институт российской истории РАН,
Москва, Россия
trepavlov@yandex.ru

Аннотация. Распад Золотой Орды (Улуса Джучи) показан в статье как следствие многочисленных исторических ситуаций, возникших на обширном пространстве Евразии. Статья также посвящена выявлению тенденций, связанных с возникновением и развитием постордынских ханств, образовавшихся после распада Улуса Джучи. Показано, что возникшие на территории бывшей Золотой Орды «наследные» ханства продолжили золотоордынские этнополитические и культурно-цивилизационные традиции. Сделан вывод о том, что при всех реликтах единства Золотой Орды нельзя не видеть усиливавшуюся тенденцию к взаимному отдалению постордынских государств друг от друга. Выявленные авторами противоречивые тенденции развития ханств представлены на фоне отношений «нового» тюрко-татарского мира с Московским (Российским) государством. Стороны активно влияли друг на друга не только в военном отношении. В середине XVI в., с завоеванием Казанского ханства, начался новый этап во взаимоотношениях Москвы и постордынских ханств, амбивалентные оценки которых органично отразились в русской литературе второй половины XVI–XVII вв., включая популярную в российском обществе «Казанскую историю».

Ключевые слова: дискуссия, Золотая Орда, историография, «Казанская история», Московское государство, постордынские государства, русская литература, Россия, татары, тюрко-татарские ханства, Улус Джучи.

FRAGMENTS OF A MIRROR: THE TURKIC-TATAR KHANATES IN SEARCH OF THEIR WAY AFTER THE COLLAPSE OF THE JOCHI ULUS

Sen' Dmitry V.

Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia
dsen1974@mail.ru

Trepavlov Vadim V.

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia
trepavlov@yandex.ru

Abstract. The collapse of the Golden Horde (Jochi Ulus) is shown in the article as a result of numerous historical situations that arose in the vast expanse of Eurasia. The article is also devoted to identifying trends associated with the emergence and development of the post-Horde khanates, formed after the collapse of the Jochi Ulus. The article places emphasis on the fact that its historical fate then did not stop with the collapse. It is shown that the “hereditary” khanates that arose on the territory of the former Golden Horde continued the latter’s ethno-political, cultural and civilizational traditions. With all the relics of the unity of the Golden Horde, one cannot help but see a growing trend towards the mutual estrangement of the post-Horde states. The contradictory trends in the development of the khanates identified by the authors are presented against the background of the relations of the “new” Turkic-Tatar world with the Moscow (Russian) state. The parties actively influenced each other not only militarily. In the middle of the 16th century, with the conquest of the Kazan Khanate, a new phase started in the relationship between Moscow and the post-Horde khanates, the ambivalent assessments of which were organically reflected in Russian literature of the second half of the 16th–17th centuries, including “the Kazan Chronicle”, popular in the Russian society.

Keywords: discussion, Golden Horde, historiography, “Kazan Chronicle”, Muscovy, post-Horde states, Russian literature, Russia, Tatars, Turko-Tatar khanates, Ulus Jochi.

Цитирование: Сень Д.В., Тrepавлов В.В. Осколки одного зеркала: тюрко-татарские ханства в поисках своего пути после распада Улуса Джучи // Новое прошлое / The New Past. 2022. № 1. С. 8–26. DOI 10.18522/2500-3224-2022-1-8-26 / Sen' D.V., Trepavlov V.V. Fragments of a Mirror: the Turkic-Tatar Khanates in Search of Their Way after the Collapse of the Jochi Ulus, in Novoe Proshloe / The New Past. 2022. No 1. Pp. 8–26. DOI 10.18522/2500-3224-2022-1-8-26.

© Сень Д.В., Тrepавлов В.В., 2022

Название публицистического памятника второй половины XVI в. — «Казанская история» — не случайно избрано нами в качестве литературной аллюзии, «обрамляющей» подборку конкретных авторских текстов (в т.ч. представленных в рубрике «Дискуссия») и одновременно задающей вектор для их сравнительного изучения и историографического осмысления. Исследователям сегодня известно несколько сотен списков этого выдающегося произведения. Многие идеи «Казанской истории» (еще в XVII в. очень популярной в России!), как справедливо указывают современные ученые, «предопределили на долгое время пути развития русской историографии относительно Золотой Орды и татарских постордынских ханств» [Виноградов, Зайцев, Моисеев, Шейхумеров, 2021, с. 113]. Вместе с тем в «Казанской истории» наблюдается интересное для анализа русской средневековой литературы изменение некоторых оценок и суждений со стороны представителя «русского мира» (впрочем, много лет бывшего пленником в Казани и «даже» принявшего ислам) о татарах. Амбивалентность таких оценок татар и «татарского мира» [Зайцев, 2016, с. 866–874; Солодкин, 2001] — новое явление уже для русской средневековой литературы, которое с тех пор стало органичной частью взаимных представлений татар и русских друг о друге. Собственно, перед нами — огромный личный, в т.ч. литературно переработанный, опыт «включенности» конкретного человека в контакты с «татарским миром», уже традиционно вписанным в характерную для русской культуры картину мира. Динамика взаимных представлений татар и русских друг о друге [Зайцев, 2016, 866–874; Амелькин, 1992; Рудаков, 2009] составляет одну из актуальных исследовательских задач, изученных в российской науке более фрагментарно, нежели, скажем, история военного противостояния Руси/России и татарских ханств.

Характерно, что автор «Казанской истории» (впрочем, как и авторы некоторых других литературных памятников второй половины XVI в.) рассуждает о судьбе и положении русских земель не только в парадигме «библейской истории». Актуализируя интерес к русской истории, создатели, например, «Степенной книги и Казанской истории возводят истоки русской истории не к традиционному для ранних летописей рассказу о разделении земли между потомками Ноя, а к описанию *пределов* (выделено нами. — Д.С., В.Т.) и правителей древнерусской «державы» [Усачев, 2012, с. 81]. Уместно поэтому рассмотреть направленность интересующего нас памятника в связи с актуальной для русских книжников XVI в. темой расширения границ православного мира (царства). Не случайно в одной из глав «Казанской истории» автор обосновывает исторические права Московского царства на земли Казанского ханства! Недаром «Казанское взятие» 1540-х–начала 1550-х гг. получило широкое обоснование в русской публицистике» [Филюшкин, 2010, с. 327]. Более того, в русских произведениях т.н. казанского цикла, принадлежащих перу «воинствующих церковников», разработка «идеологического обоснования царского титула Ивана Грозного напрямую связывалась с взятием Казани как условием, подтверждающим достоинство Ивана IV носить данную титулатуру» [Филюшкин, 2010, с. 344].

Случившаяся – в расширительно-иносказательном смысле – *казанская история*, таким образом, открывала новую страницу в истории русского самодержавия и зарождавшейся имперской идеологии [Измайлов, 1992], русской общественно-политической мысли и существенного пересмотра (и даже изживания) «комплекса побежденных» в отношениях с наследниками Золотой Орды. Взятие (завоевание) Казани в 1552 г. стало своеобразной «точкой невозврата» последующей истории самих тюрко-татарских государств, наступление трагических и кризисных событий в жизни которых, конечно, несводимо только к фактору российского *военного* вмешательства. В недрах Улуса Джучи сформировался и окреп развивающийся по восходящей линии новый фактор – русский – как результат «упорной и умелой борьбы в трех направлениях за самостоятельность» [Усманов, 2009, с. 734]; тюрко-татарский и собственно татарский фактор в Северо-Западной Евразии «вступил в полосу бесповоротно нисходящего политико-государственного влияния» [Усманов, 2009, с. 734].

Пафос «Казанской истории» (в т.ч. связанный с обоснованием прав московского царя на казанские земли и закономерности победы Ивана IV над Казанью в 1552 г.) неотделим, безусловно, от анализа внешней политики России, от изменения политического сознания самого царя Ивана IV, а также русских элит, включая книжников/церковные круги. Завоевание Казанского ханства легитимизировало царский титул Ивана IV – недаром «русские послы при польско-литовском дворе объясняли происхождение царского титула исходя из того, что Ивану IV покорилось “Казанское царство”» [Аксанов, 2015, с. 341]. Скорее всего, это же придало импульс восточной политике Российского государства второй половины XVI в., в т.ч. направленной на присоединение Астраханского и Сибирского ханств, на изменение роли Касимовского ханства и пр. Собственно, прав А.Г. Бахтин, отмечавший, что именно с середины XVI в. «Россия впервые переходит к крупномасштабным завоеваниям за пределами восточнославянского мира» [Бахтин, 2001, с. 68]. Любопытно, что активизация восточной политики России второй половины XVI в., объективно направленной против татарских ханств, например в Поволжье, совпала с принятием Иваном IV царского титула. После завоевания Казанского и Астраханского ханств царь Иван IV заявлял, что он стал преемником их ханов (правда, не ханов Золотой Орды)! На это тоже верно обратил внимание Ч. Гальперин [см.: Гальперин, 2009, с. 435]).

Русские интеллектуалы XVI в. (вослед книжным же практикам культурного изживания былой зависимости от Золотой Орды) активно разрабатывали взгляды на возможности подчинения татарских ханств, включая Казанское, в т.ч. прибегая к определенным манипуляциям [Моисеев, 2010; Моисеев, 2017, с. 181]. Соответственно – историки регулярно обращаются к литературным памятникам (летописи, публицистика), пытаясь решить вопрос о выработке отношения русской верховной власти и русского же общества к решению «татарского вопроса» – в частности, изучая метаморфозы русской средневековой культурной памяти. Все же в России и после распада Улуса Джучи сохранялось уважительное отношение к Чингисидам

как к «золотому роду». Изучение «казанского вопроса» как части «татарского» – характерный пример конкретного исследовательского внимания, например, в рамках решения проблемы о *времени выработки* Россией планов по завоеванию Казани [Аксанов, 2015]. Между тем, и этот вопрос далеко не частный, поскольку в историографии существуют *аналогичные* дискуссии – например, о хронологии/реальности намерений России по завоеванию/покорению Крымского ханства (в т.ч. якобы с конца XVII в.), о соотношении защиты и экспансии в действиях России по отражению т.н. крымскотатарской угрозы. К слову, вновь можно задаться вопросом о возможной *культурной* и иной преемственности подобных рассуждений современников XVII–XVIII вв. с неединичными представлениями времен правления Ивана IV о возможности покорения Крыма. Историографический контекст многомерной *казанской истории* оказывает влияние не только на современную дискуссию о судьбах татарских ханств конкретного региона [Бахтин, 2021; Измайлов, 2003; Котляров, 2006]. В известном смысле это – камертон, задающий качественную тональность (в частности, благодаря структурам и изданиям Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан) обсуждению таких значимых исследовательских вопросов, как судьбы средневековых тюрко-татарских государств, источниковедение истории постордынских государств, характер их взаимоотношений с Московским государством (в т.ч. вопрос о «поминках»).

Отметим, что очередной тематический номер журнала «Новое прошлое / The New Past» посвящен исследованиям *многочисленных* исторических ситуаций, сложившимся на обширном пространстве Евразии после распада Золотой Орды (Улуса Джучи), в XV–XVIII вв. Выделившийся во второй половине XIII в. из Монгольской империи, ее северо-западный улус включал в себя гораздо более разнообразный этнокультурный мир, по сравнению с прочими наследными ханствами-улусами империи (Юань, государства Чагатаидов и Хулагуидов). Джучидская правящая элита имела опору как на придворный чиновничий аппарат, так и на сотни тысяч рядовых кочевников из тюркских и монгольских племен, которые составляли большинство налогоплательщиков и основу вооруженных сил. Ордынские номады продолжали вести традиционный образ жизни, перемещаясь со стадами по степям. В источниках сохранились свидетельства о негативном отношении кочевников к непривычному для них городскому образу жизни. Сочетание элементов оседло-земледельческой и кочевой цивилизаций придавало своеобразие Золотой Орде. В новейшей историографии все большее признание получает перспективный подход, согласно которому Золотая Орда изучается в контексте мировой истории – на фоне собственного поступательного развития, несводимого к завоеваниям и к ограблению тех или иных государств (народов) [Усманов, 2000, с. 3–15; Золотая Орда, 2016]. Отдельная составляющая этого подхода, принимаемого авторами данной статьи – преодоление историографических стереотипов, связанных с оценками роли Золотой Орды в истории Руси. В частности, «утвердившийся в российской историографии традиционный взгляд на Золотую Орду как эпизод *русской* истории устарел и нуждается в переосмыслении» [Трепавлов, 2016, с. 8]. Заслуживает внимания мнение о том, что имперское наследие Золотой Орды выступило одним

из компонентов российской имперской государственности. Постепенный отказ от трафаретных и архаичных утверждений об интерпретации ее как силы, безусловно враждебной и чуждой Руси, объективно способствует усилению исследовательского внимания к судьбам государств, возникшим в процессе распада Улуса Джучи [История татар с древнейших времен, 2014; Зайцев, 2004; Трепавлов, 2019; История крымских татар, 2021].

Распад Улуса Джучи оказался «крупнейшей геополитической катастрофой» XV в. – во всяком случае, для северо-восточной части Евразийского континента. Возникшие на пространствах прежнего Джучиева улуса «наследные» ханства и другие Орды, с одной стороны, продолжили золотоордынские этнополитические и культурно-цивилизационные традиции. В этих государствах сохранялись многие из заложенных в предыдущие два столетия канонов управления и культурных традиций, формировались новые этнические общности – предки многих современных народов. Заметим, что вряд ли следует уподоблять разнообразие контактов между государствами XV–XVI вв. политическим реалиям позднейших эпох. Это относится в том числе и к проблеме границ между ними. «Осколки» Золотой Орды сохраняли относительно устойчивые взаимные связи, унаследованные от эпохи государственного единства. Очевидно, эти связи были выстроены в какую-то пока не вполне ясную систему. Она базировалась на нескольких фундаментальных основаниях: царственных прерогативах клана Джучидов, относительной этнической однородности большинства (тюркоязычного) населения и его единоверии – исповедании ислама. В историографии неоднократно отмечались признаки сохранявшейся «инерции единства». Различными авторами отмечены осознание родственной связи между разными ответвлениями многолюдного клана Джучидов на всей территории распавшейся Орды (в подтверждение можно указать на брачные союзы между царственными фамилиями Казани и Крыма, женитьбу казанских ханов на ногайских князях); сходная этнотерриториальная структура татарских юртов, включавших ареалы проживания элитных правящих кланов, выходцы из которых могли беспрепятственно переселяться в иные юрты, на территорию родственных кланов; попытки крымцев восстановить единство Золотой Орды и др. [Гайворонский, 2007, ч. II; Исхаков, 1995, с. 105–107; Исхаков, 2007, с. 5, 6; Трепавлов, 2013; Усманов, 1997, с. 43]. В сознании бывших ордынцев держалось стойкое представление о продолжающемся существовании средоточия государственной власти – ушедшей в небытие столице Улуса Джучи, которая в народной исторической памяти ассоциировалась с сакрализованным образом Бату (Саин-хана) и его легендарной резиденцией. Однако пребывание «трона Саина» локализуется средневековыми авторами в различных местностях, что показывает превращение данного культурно-мемориального образа в символическую категорию, идеологему.

С другой стороны, отмечая сохранение некоторых рудиментов былого единства Улуса Джучи, нужно признать нарастание объективных факторов, которые способствовали все большему угасанию этого единства, взаимным отдалению и – нередко – враждебности «наследных» ханств. В бывших вилайетах и улусах Золотой

Орды в течение XV в. утвердились локальные правящие фамилии Джучидов, которые смотрели на управляемые ими регионы как на собственные юрты и не расценивали их в качестве частей исчезнувшей империи. На месте обширной державы образовалось несколько самостоятельных владений, которым пришлось выстраивать *новую парадигму* отношений друг с другом – во всем их многообразии: от враждебности до коалиционного партнерства, в т.ч. ориентированных (в зависимости от ситуации) на борьбу/мирное взаимодействие с Московским (Российским) государством. Помимо прочего, многие из постордынских государств были не только новыми самостоятельными, но и *соревнующимися* между собой [Усманов, 2009, с. 734]. В той же связи стоит обратить внимание на сомнение М.В. Моисеева (в рецензии на книгу Б.Р. Рахимзянова 2016 г.) о, скорее всего, мнимом единстве «татарского мира», когда силы «взаимного отторжения были отнюдь не слабее, а временами и сильнее» [Моисеев, 2017, с. 178]. Существенную роль в формировании Российского государства сыграл качественно новый для этой эпохи татарский фактор, который большинство современных историков уже не сводит к реакциям России на отражение «татарской агрессии». Он приобрел новое звучание и значение, например, для нового этноконфессионального состава населения Московского царства, включая значительную (с середины XVI в.) мусульманскую общину. Наиболее сильными и конкурентоспособными в борьбе за геополитическое наследие Золотой Орды оказались Крымское ханство и Московское (Российское) государство. К этим двум «полюсам» тяготели (время от времени меняя свою политическую приверженность) тюркские владения Восточной Европы XV–XVII вв. (Казань, Астрахань, Большая и Малая Ногайские Орды).

Со второй половины XV в. все более заметным актором на постордынском пространстве становится Московское государство, ранее включенное в государственную систему Золотой Орды. После подчинения поволжских ханств в середине XVI в. московский царь объективно обрел ранг старшего государя по отношению к правителям тюркских владений – как завоеванных, так и пока сохранявших независимость к востоку от Волги. Эту ситуацию можно расценивать так, что он стал обладателем высших властных прерогатив, которыми некогда располагали правители Золотой Орды и завоеванных им татарских юртов. Таким образом, Россия выступила как победоносный участник дележа ордынского геополитического наследия. Ее территориальное расширение в восточном и южном направлениях, начавшееся с середины XVI в., привело к объединению обширного пространства бывшей Золотой Орды в пределах и под властью нового государства. Формы и характер такого политического, экономического и культурного взаимодействия России и постордынских государств получают в российской исторической науке все более взвешенные и, в ряде случаев, консолидированные оценки специалистов. Характерная черта современной историографии – проведение дискуссий по наиболее актуальным вопросам «включенности» России в пространство и в историю тюрко-татарских ханств XVI–XVIII вв., в т.ч. путем расширения тематики пространства такого *обоюдного* взаимодействия [Присоединение, 2003; Дискуссия по книге, 2017; Материалы круглого стола, 2012; Диалог о книге, 2013]. Впрочем, в новейшей

историографии сохраняются и традиционные оценки причин и последствий ликвидации Казанского и Астраханского ханств [Бахтин, 2020; Котляров, 2005], соотносимые с устоявшимися схемами времени советской исторической науки.

По мере продвижения Московского государства на восток из внешнеполитической повестки постепенно, одно за другим, теряли актуальность и исчезали поволжское, затем сибирское и отчасти ногайское направления. Однако это не означало исчезновения практиковавшейся ранее среди тюрок восточной парадигмы управления. Российские власти были заинтересованы в пусть и постепенной, но прочной адаптации новообретенных подданных (татар, башкир, ногаев) к пребыванию в подданстве русского «белого царя». Поэтому было признано рациональным использовать некоторые административные приемы, практиковавшиеся на восточных территориях до завоевания [см. напр.: Шерстова, 2005; Трепавлов 2002; Буляков, 2011; Бахтин, 2022, с. 398–399]. Конечно, прежняя управленческая структура независимых юртов не восстановилась и их правящие круги утратили власть. Но отдельные роды татарского и ногайского происхождения смогли заслужить доверие Москвы и со временем влиться в ряды российской элиты (после перехода в православие). В первое время было сохранено присущее ханствам ясачное налогообложение. В дальнейшем, в XVII–XVIII вв., этот элемент податной системы («объясачивание») активно использовался русскими властями как главный критерий и принцип в отношениях с аборигенным населением Сибири. Утверждаясь на территориях к востоку от Урала, российская администрация при налаживании управления местными «иноземцами» и «иноверцами» применяла также такие (скорее всего, заимствованные из традиционной ордынско-татарской практики) способы умиротворения и принуждения к покорности, как аманатство – заложничество, приведение к шерти – присяге на верность договорным обязательствам.

При этом московский царь (как и его польско-литовские «коллеги») причислялся некоторыми соседними тюрками к «алтан уругу» – клану Чингисидов. Свидетельства подобной трактовки можно встретить в дипломатических документах, в частности, XVI в. «Цингиз царев прямой род», «Чингисов прямой сын», т.е. потомок – так характеризовали царя Ивана IV (как известно, Рюриковича) ногаи. Бахчисарайская канцелярия в переписке с польско-литовским королем Сигизмудом I (Ягеллоном) утверждала от лица своих сюзеренов, будто он и правители Крыма из династии Гиреев «нас обоюх предок одинъ быв», «с стародавна наши предкове вышли с одного роду» [Мустакимов, Трепавлов, 2013, с. 255]. Это было свидетельством угасания традиционной династической харизмы «золотого рода», превращения ее в статусную, символическую категорию, в один из атрибутов монархической власти и одно из легитимных оснований для царствования, безотносительно к действительному родству с Чингис-ханом.

В источниках XVI в. встречаются названия юртов по эпонимам – обычно именам тех государей, от которых вели начало династии в данном ханстве. В эпоху единства и могущества Золотой Орды, т.е. в первые полтора столетия ее существования, в качестве наименований этого государства вспоминали его могущественных

правителей из не столь отдаленных времен: Улус Джучи, Улус Берке, Улус Узбека. Но если то были деятели, одинаково ценимые в исторической памяти народов на пространстве *всей империи*, то позднее эпонимами татарских юртов становились персонажи, во-первых, давно умершие и, во-вторых, более локального масштаба.

Статус правящих династов в определенном смысле соответствовал размытости границ между постордынскими юртами. В титулах их правителей не фиксировалась конкретная локализация владений. Большинство этих правителей обладало общим титулом хана (не астраханского, не казанского и т.п.) — как в глазах подданных, так и в официальных документах. Уже сама принадлежность к династии Джучидов давала основание на занятие трона — без необходимости уточнять в титулатуре место резиденции — ханскую столицу или управляемый народ («узбекский», «казахский»).

В XV в. ордынская держава неуклонно слабела и распадалась, ее стройная управленческая система с многочисленным чиновничеством постепенно деградировала. В этих условиях прочное место в административной системе государства заняли беки — предводители тюркских племен. Впоследствии они составили правящую элиту в юртах, которые образовались на месте Золотой Орды. Эта новая нединастическая элита выдвинула из своей среды высокопоставленных сановников-беклербеков (они же улу беки, улу бии). Политическая роль этих «великих князей» наиболее возрастала в ситуациях, когда институт ханской власти в соответствующей политике оказывался ослабленным или такого института не было вообще. Так, улубий возглавлял Мангытский юрт (Ногайскую Орду), превратившись в полновластного правителя после того, как в соответствии со своей должностью он одно время командовал правым крылом в Узбекском и Казахском ханствах. Беки из рода Тайбугидов (тюркского племени буркут) в конце XV–середине XVI в. управляли Сибирским юртом от имени безвластных ханов.

В начальный период существования Крымского ханства там образовалась правящая триада из хана, калги (царевича-престолонаследника) и бека. Однако противостояние между лидерами крымских племенных объединений и ханами, сопровождавшееся установлением зависимости юрта от турок, вызвало в конце концов ликвидацию там бекского (= беклербекского) поста, который казался прочно закрепленным за предводителями могущественного и влиятельного рода Ширин. Раздражение Гиреев вызывали навязчивые намерения Ширинов участвовать в делах ханства. Впрочем, в дальнейшем этот род продолжал признаваться наиболее знатным среди крымских татар. Кроме того, перед глазами ханской семьи Крыма стояли настораживающие примеры усиления главных беков в соседних постордынских политиях, где эти вельможи обрели громадные полномочия, сравнимые с ханскими, а в Орде «бесчисленных ногаев» прибрали к рукам всю власть. Сородичи заволжских ногаев, мангыты Большой Орды, после ее разгрома крымцами в основной своей массе перешли в подданство Гиреев и стали мощной опорой мангытского (= ногайского) клана Мансур-улы, в усилении которого тоже просматривалась будущая угроза ханской монополии на власть.

Усиление политической активности и социальной роли предводителей тюркских племен можно расценивать как определенную архаизацию поздне- и постордынской государственности. Вероятно, в том же ряду находилось и возрождение института курултая – собрания «всей земли», как он обозначался в русских текстах. На курултаях рассматривались и принимались решения по важнейшим проблемам жизни государства. Этот традиционный элемент политической организации тюркских и монгольских социумов в Золотой Орде почти не просматривается. Наверное, курултай все же созывались, но только в исключительных случаях и по церемониальным поводам (например, для провозглашения нового хана). В то время традиционный курултай как орган решения государственных дел, скорее всего, уступил место придворным чиновникам – профессиональным управленцам, а также личной воле падишаха.

Когда государственность Улуса Джучи вступила в стадию упадка, оказалось возрожденным еще одно явление, уходящее корнями в кочевую старину, – совет из карачи-беков, т.е. глав самых влиятельных племен (часто, но не всегда – четырех). Можно видеть в реанимации названных традиционных явлений оживление «матричных» элементов социального устройства, сложившихся задолго до монгольского завоевания и образования Золотой Орды. Сходные процессы наблюдались в других частях бывшей Монгольской империи Чингисидов: китаизация в Юани и иранизация у Хулагуидов. По этому поводу можно вспомнить широко известные слова египетского хрониста XIV в. ал-Омари о том, что «земля одержала верх над природными и расовыми качествами их (татар), и все они стали точно кипчаки» [Тизенгаузен, 1884, с. 235]. В контексте обрисованной выше исторической ситуации они приобретают дополнительный смысл. Получается, что в Китае над завоевателями «одержала верх» китайская «земля», а в Иране – персидская. Повторное появление архаичных социальных явлений, очевидно, произошло по мере упрощения, регресса, архаизации социальной жизни и структуры общества в постордынском мире. Полагаем, что здесь проявилась своеобразная цикличность в развитии кочевых социумов и политий, созданных номадами.

Здесь, наверное, можно видеть закономерность, присущую всякому обществу в ситуации, когда обстоятельства принуждают его самоорганизовываться, изобретать (или вспоминать) способы приспособления к ухудшившимся условиям. Переживая стадию кризиса в своем историческом развитии, номады вновь обращались к тем экономическим и социальным нормам жизни, из которых складывалась своего рода матрица их бытия, т.е. нормам, традиционным, привычным и освященным опытом предыдущих поколений.

Период Золотой Орды оказался эпохальным историческим рубежом в переформатировании этнической карты Евразии. Население различных ордынских улусов и вилайетов стало основой этногенеза позднейших тюркских народов. В источниках XV–XVII вв. появляются казахи, узбеки, кумыки, ногайцы и др. Истоки формирования нескольких этнических сообществ, обозначаемых как *татары*, также коренятся в Улусе Джучи. Признаки первичной этнической консолидации, начальной стадии

кристаллизации золотоордынской татарской народности возможно проследить в правом (западном) крыле Золотой Орды. Там, к западу от Яика, расцветала городская жизнь, возродились после завоевания домонгольские центры земледельческой культуры в Крыму, Волжской Булгарии и Хорезме, по безопасным торговым путям перемещались ресурсы и перетекали технологические достижения. Однако чумной мор середины XIV в. («Черная смерть») и фатально последовавшие за ней внутренние распри и хлынувшие с востока миграционные волны кочевников не позволили продолжаться стабильному развитию. Выходцы из заволжских степей твердо соблюдали традиционные нормы кочевого жизнеустройства, сохраняли приверженность своим родоплеменным устоям и стимулировали архаизацию социального облика у степняков левого крыла Улуса Джучи. Когда место ордынской державы окончательно заняли новые самостоятельные юрты, в Крыму, Юго-Западной Сибири, Среднем и, возможно, Нижнем Поволжье на базе первичного золотоордынского татарского этноса началась кристаллизация новых тюркских этнических сообществ.

Наглядным признаком постепенного угасания государственности Золотой Орды стало формирование новой социальной категории населения Восточной Европы – вольного казачества. Первоначально это были группы степных конных воинов, которые, возможно, и состояли в номинальном подданстве татарским правителям, но в реальности держались все более независимо. Уже в самом начале своей истории вольное казачество обнаружило себя как мощная сила, которую окрестные правители то и дело стремились направить против своих соперников. Кочевнические (татарские) этнокультурные истоки происхождения вольного казачества явствуют из сведений об их жизнеустройстве в XV в. Так, о кочевом образе жизни казаков на Нижнем Дону свидетельствует их обращение к великому князю Василию III в 1518 г. с просьбой разрешить им «с своими женами, *прикочевав*, жити у Путивля и слугами быти, а твоего бы им недруга короля воевати... чтобы... дал место *где летовати да где зимовати*» (выделено нами. – Д. С., В. Т.) [Сборник Русского..., 1895, с. 613, 618]. Кроме скотоводства (см. данные о сезонных перекочевках – летовках и зимовках), основным и любимым занятием казаков стала война. В те времена казачьи общины являлись обычными степными мигрирующими группами выходцев из различных тюркских родов и племен (главным образом татар Большой Орды, с вероятными пополнениями из черкесов и русских) (подр. см.: Трепавлов, 2018, с. 173–201). Позднее, в XVI в., в южные степи стали переселяться славяне – жители соседних государств. Обосновываясь по берегам степных рек Дона, Волги и Яика, они вливались в ряды тюркок-казаков. В скором времени казаки стали сплачиваться в особые организованные структуры – Войска, типологически напомиравшие архаичные мужские союзы.

Таким образом, нельзя считать, что после исчезновения с карты Золотой Орды это государство бесследно «растворилось» в истории. Остались потомки населявшего его народа, уцелели – пусть и немногочисленные, зачастую погребенные под руинами городов – свидетельства его развитой культуры, на месте распавшегося государства возникли постордынские ханства. Части бывшей державы в XV–XVI вв.

и позже сохраняли относительно устойчивые связи, унаследованные от эпохи государственного единства. Можно допустить, что жители новых татарских юртов с ностальгией вспоминали эпоху единой Золотой Орды. В тюркских текстах позднего Средневековья неоднократно встречаются ссылки на время апогея ее могущества и стабильности в первой половине–середине XIV в., т.е. в период правления в Сарае ханов Узбека и Джанибека. Однако такие воспоминания, уже перешедшие в разряд исторических преданий, являлись отголосками давней истории, мечтами о «золотом веке», который остался в далеком прошлом. В действительности же постордынский мир не знал заметных центростремительных тенденций. Политические же устремления и проекты такого рода, например со стороны Крымского ханства, оказались малорезультативными. А вот вопрос о претензиях именно Московского государства на аналогичную роль остается в науке дискуссионным – причем оказалось, что большая часть наших авторов-дискутантов высказалась по данному вопросу скептически. Рудименты государственного единства, о которых говорилось выше, все-таки были гораздо слабее нового, все более усиливавшегося стремления новообразованных ханств к самостоятельному существованию. Объективный процесс дезинтеграции оказался сильнее «инерции единства». Другое дело, что новые ханства продолжили многие из этнополитических и культурно-цивилизационных традиций Улуса Джучи, частично воспринятые и Московским (Российским) государством. В середине XVI в., с завоеванием Казанского ханства, начался новый этап во взаимоотношениях Москвы и постордынских ханств, амбивалентные оценки которых органично отразились в русской литературе второй половины XVI–XVII вв., включая известнейшую в российском обществе «Казанскую историю»...

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Аксанов А.В. Когда началась кампания по завоеванию Казанского ханства? // *Золотоордынская цивилизация*. 2015. № 8. С. 338–344.

Бахтин А.Г. Причины присоединения Поволжья и Приуралья к России // *Вопросы истории*. 2001. № 5. С. 52–72.

Бахтин А.Г. Российское государство и Казанское ханство: межгосударственные отношения в XV–XVI вв. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2022. 528 с.

Буляков И.И. Золотоордынские государственные традиции в управлении Уфимским уездом (вторая половина XVI–первая треть XVIII в.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2011. 26 с.

Виноградов А.В., Зайцев И.В., Моисеев М.В., Шейхумеров А.А. Российская историография // *История крымских татар. В 5 томах. Т. III. Крымское ханство XV–XVIII вв.* Отв. ред. И.В. Зайцев. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, 2021. С. 113–118.

Гайворонский О. Повелители двух материков. Т. I. Крымские ханы XV–XVI столетия и борьба за наследство Великой Орды. Киев; Бахчисарай: Оранта, Майстерня книги, 2007. 368 с.

- Гальперин Ч. Вымышленное родство. Московия не была наследницей Золотой Орды // *Родина*. 2003. № 12. С. 68–71.
- Гальперин Ч. Центральная власть и русские княжества // *История татар с древнейших времен. В семи томах. Том III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII–середина XV в.* Казань: Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, 2009. С. 432–436.
- Диалог о книге. Чингисиды в России: «золотой род» после падения Золотой Орды // *Российская история*. 2013. № 3. С. 3–34.
- Дискуссия по книге Б.Р. Рахимзянова «Москва и татарский мир: сотрудничество и противостояние в эпоху перемен, XV–XVI вв.» (СПб.: Евразия, 2016. 396 с.) // *Средневековые тюрко-татарские государства*. 2017. № 9. С. 190–240.
- Зайцев И.В. Между Москвой и Стамбулом. Джучидские государства, Москва и Османская империя (начало XV–первая половина XVI вв.). М.: Рудомино, 2004. 216 с.
- Зайцев И.В. Татаро-русские отношения (XVI–XVIII вв.) // *Золотая Орда в мировой истории*. Коллективная монография. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, 2016. С. 866–874.
- Золотая Орда в мировой истории. Коллективная монография. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, 2016. 968 с.
- Измайлов И.Л. «Казанское взятие» и имперские притязания Москвы (очерк истории становления имперской идеологии) // *Мирас*. 1992. № 10. С. 50–62.
- Измайлов И.Л. Завоевание Казанского ханства: причины и последствия (критический разбор новых тенденций современной российской историографии) // *Татарский народ после 1552 года: потери и приобретения*. Казань: Институт истории Академии наук Республики Татарстан, 2003. С. 61–135.
- Исхаков Д. К вопросу об этносоциальной структуре татарских ханств (на примере Казанского и Касимовского ханств XV–сер. XVI вв.) // *Панорама-Форум*. 1995. № 3. С. 95–107.
- Исхаков Д.М. Институт сейидов в Улусе Джучи и поздnezолотоордынских тюрко-татарских государствах. Казань: Фэн, 2011. 228 с.
- История татар с древнейших времен в семи томах. Т. IV. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, 2014. 1080 с.
- История крымских татар. В 5 томах. Т. III. Крымское ханство в XV–XVIII вв. Отв. ред. И.В. Зайцев. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, 2021. 1024 с.
- Котляров Д.А. Московская Русь и народы Поволжья в XV–XVI вв.: У истоков национальной политики России. Ижевск: ИД «Удмуртский университет», 2005. 314 с.
- Материалы круглого стола «Московское государство и постзолотоордынские тюрко-татарские государства; история взаимоотношений (16 марта 2012, г. Казань) // *Средневековые тюрко-татарские государства*. 2012. Вып. 4. С. 170–229.

Моисеев М.В. Золотая Орда после Золотой Орды? Рец. Рахимзянов Б. Р. Москва и татарский мир: сотрудничество и противостояние в эпоху перемен, XV–XVI вв. СПб.: Евразия, 2016. 396 с. // *Историческая экспертиза*. 2017. № 3. С. 177–186.

Моисеев М.В. Обоснование прав на Казанское ханство в русском средневековом нарративе // *Мининские чтения: Труды участников международной научной конференции. Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (24–25 октября 2008 г.)*. Нижний Новгород, 2010. С. 395–402.

Мустакимов И.А., Трепавлов В.В. «Чингисидское» происхождение христианских монархов в тюркской и монгольской исторической традиции // *Тюркологический сборник. 2011–2012. Политическая и этнокультурная история тюркских народов и государств*. М.: Восточная литература, 2013. С. 255–262.

Присоединение Среднего Поволжья к Российскому государству. Взгляд из XXI века. «Круглый стол» в Институте российской истории РАН. М.: Институт российской истории Российской академии наук, 2003. 38 с.

Рахимзянов Б.Р. Москва и татарский мир: сотрудничество и противостояние в эпоху перемен, XV–XVI вв. СПб.: Евразия, 2016. 396 с.

Рудаков В.Н. Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII–XV вв. М.: Квадрига, 2009. 248 с.

Сборник Русского императорского исторического общества. Т. 95. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Нагаями и Турцией. Т. II. СПб.: Печатня С.П. Яковлева, 1895. 796 с.

Солодкин Я.Г. Татары в изображении автора «Казанской истории» // *Славяне и их соседи. Вып. 10. Славяне и кочевой мир. К 75-летию академика Г.Г. Литаврина*. М.: Институт славяноведения РАН, 2001. С. 197–212.

Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из сочинений арабских. СПб.: Изд. на иждивение С.Г. Строганова, 1884. 584 с.

Трепавлов В.В. Тюркские народы Поволжья и Приуралья: от Золотой Орды к Московскому царству (проблемы адаптации) // *Die Geschichte Russlands im 16. und 17. Jahrhundert aus der Perspektive seiner Regionen (Forschungen zur osteuropaischen Geschichte. B. 63)*. Herausgegeben von A. Kappeler. Wiesbaden: Harrasowitz Verlag, 2002. S. 279–292.

Трепавлов В.В. Введение // *Золотая Орда в мировой истории*. Коллективная монография. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, 2016. С. 3–12.

Трепавлов В.В. Золотая Орда после распада: воспоминания о единстве // *Тюркологический сборник. 2009–2010. Тюркские народы Евразии в древности и средневековье*. М.: Восточная литература, 2011. С. 360–383.

Трепавлов В.В. Тюркское казачество во время и после распада Золотой Орды // *Казачество в тюркском и славянском мирах: колл. монография*. Отв. ред. В.В. Грибовский, В.В. Трепавлов. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, 2018. С. 173–201.

- Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. 3-е изд. М.: Квадрига, 2020. 1040 с.
- Усачев А.С. «Третий Рим» или «Третий Киев»? (Московское царство XVI века в восприятии современников) // *Общественные науки и современность*. 2012. № 1. С. 69–87.
- Усманов М.А. Соседи называли их «татарами» // *Родина*. 1997. № 3–4. С. 40–44.
- Усманов М.А. История Улуса Джучи и некоторые особенности ее интерпретации в новейшее время // *История татар с древнейших времен. В семи томах. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII–середина XV в.* Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. С. 3–15.
- Усманов М.А. Заключение // *История татар с древнейших времен. В семи томах. Том III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII–середина XV в.* Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. С. 731–732.
- Филюшкин А.И. Грамоты новгородского архиепископа Феодосия, посвященные «Казанскому взятию» // *Герменевтика древнерусской литературы*. Сборник 10. 2000. С. 327–346.
- Шерстова Л.И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX века. Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 2005. 312 с.

REFERENCES

- Aksanov A.V. Kogda nachalas' kampaniya po zavoevaniyu Kazanskogo khanstva? [When did the campaign to conquer the Kazan Khanate begin?], in *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya*. 2015. No. 8. Pp. 338–344 (in Russian).
- Bakhtin A.G. Prichiny prisoedineniya Povolzh'ya i Priural'ya k Rossii [Reasons for joining the Volga and Ural regions to Russia], in *Voprosy istorii*. 2001. No. 5. Pp. 52–72 (in Russian).
- Bakhtin A.G. *Rossiyskoe gosudarstvo i Kazanskoe khanstvo: mezhgosudarstvennyye otnosheniya v XV–XVI vv.* [The Russian State and the Kazan Khanate: Interstate Relations in the 15th–16th Centuries]. St. Petersburg: Oleg Abyshko Publ. House, 2022. 528 p. (in Russian).
- Bulyakov I.I. *Zolotoordynskie gosudarstvennyye traditsii v upravlenii Ufimskim uездом (vtoraya polovina XVI–pervaya tret' XVIII v.)* [The Golden Horde state traditions in the management of the Ufa district (the second half of the 16th–the first third of the 18th century)]. Candidate dissertation abstract. Orenburg, 2011. 26 p. (in Russian).
- Vinogradov A.V., Zaytsev I.V., Moiseev M.V., Sheykhumerov A.A. Rossiyskaya istoriografiya [Russian historiography], in *Istoriya krymskikh tatar. V 5 tomakh. T. III. Krymskoe khanstvo XV–XVIII vv.* [History of the Crimean Tatars. In 5 vol. Vol. 3. Crimean Khanate 15th–18th centuries]. Ed. by I.V. Zaitsev. Kazan': Institute of History Sh. Marjani of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2021. Pp. 113–118 (in Russian).

Gayvoronsky O. *Poveliteli dvukh materikov. T. I. Krymskie khany XV–XVI stoletiya i bor'ba za nasledstvo Velikoy Ordy* [Lords of the two continents. Vol. I. Crimean khans of the 15th–16th centuries and the struggle for the inheritance of the Great Horde]. Kiev; Bakhchisaray: Oranta, Maysternya knigi Publ., 2007. 368 p. (in Russian).

Gal'perin Ch. Vymyshlennoe rodstvo. Moskoviya ne byla naslednitsey Zolotoy Ordy [Fictional relationship. Muscovy was not the heiress of the Golden Horde], in *Rodina*. 2003. No. 12. Pp. 68–71 (in Russian).

Gal'perin Ch. Tsentral'naya vlast' i russkie knyazhestva [Central power and Russian principalities], in *Istoriya tatar s drevneyshikh vremen. V semi tomakh. T. III. Ulus Dzhuchi (Zolotaya Orda). XIII–seredina XV v.* [History of the Tatars since ancient times. In seven volumes. Vol. 3. Jochi Ulus (Golden Horde). 13th–middle 15th century]. Kazan': Sh. Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2009. Pp. 432–436 (in Russian).

Dialog o knige. Chingisidy v Rossii: "zolotoy rod" posle padeniya Zolotoy Ordy [Dialogue about the book. Genghissids in Russia: the "golden clan" after the fall of the Golden Horde], in *Rossiyskaya istoriya*. 2013. No. 3. Pp. 3–34 (in Russian).

Diskussiya po knige B.R. Rakhimzyanova "Moskva i tatarskiy mir: sotrudnichestvo i protivostoyanie v epokhu peremen, XV–XVI vv." (St. Petersburg.: Evraziya, 2016. 396 s.) [Discussion on the book by B.R. Rakhimzyanov "Moscow and the Tatar world: cooperation and confrontation in an era of change, 15th–16th centuries" (St. Petersburg: Eurasia, 2016. 396 p.)], in *Srednevekovye tyurko-tatarskie gosudarstva*. 2017. No. 9. Pp. 190–240 (in Russian).

Zaytsev I.V. *Mezhdru Moskvoy i Stambulom. Dzhuchidskie gosudarstva, Moskva i Osmanskaya imperiya (nachalo XV–pervaya polovina XVI vv.)* [Between Moscow and Istanbul. Jochid states, Moscow and the Ottoman Empire (the beginning of the 15th–the first half of the 16th centuries)]. Moscow: Rudomino Publ., 2004. 216 p. (in Russian).

Zaytsev I.V. *Tataro-russkie otnosheniya (XVI–XVIII vv.)* [Tatar-Russian relations (16th–18th centuries)], in *Zolotaya Orda v mirovoy istorii*. [Golden Horde in world history]. Collective monograph. Kazan': Sh. Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2016. Pp. 866–874 (in Russian).

Zolotaya Orda v mirovoy istorii [Golden Horde in world history]. Collective monograph. Kazan': Sh. Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2016. 968 p. (in Russian).

Iskhakov D. K voprosu ob etnosotsial'noy strukture tatarskikh khanstv (na primere Kazanskogo i Kasimovskogo khanstv XV–ser. XVI vv.) [On the question of the ethnosocial structure of the Tatar khanates (on the example of the Kazan and Kasimov khanates of the 15th–middle of the 16th centuries)], in *Panorama-Forum*. 1995. No. 3. Pp. 95–107 (in Russian).

Iskhakov D.M. *Institut seygidov v Uluse Dzhuchi i pozdnezolotoordynskikh tyurko-tatarskikh gosudarstvakh* [Seygid Institute in Jochi Ulus in the late Gold Horde Turkic-Tatar states]. Kazan': Fen, 2011. 228 p. (in Russian).

Istoriya tatar s drevneyshikh vremen v semi tomakh [History of the Tatars from ancient times in seven volumes]. Vol. 4. Kazan': Sh. Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2014. 1080 p. (in Russian).

Istoriya krymskikh tatar. V 5 tomakh. T. III. Krymskoe khanstvo v XV–XVIII vv. [History of the Crimean Tatars. In 5 vol. Vol. 3. Crimean Khanate in the 15th–18th centuries]. Ed. by I.V. Zaitsev. Kazan': Sh. Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2021. 1024 p. (in Russian).

Izmaylov I.L. "Kazanskoe vzyatie" i imperskie prityazaniya Moskvy (ocherk istorii stanovleniya imperskoy ideologii) ["Kazan Capture" and Imperial Claims of Moscow (Essay on the History of the Formation of Imperial Ideology)], in *Miras*. 1992. No. 10. Pp. 50–62 (in Russian).

Izmaylov I.L. Zavoevanie Kazanskogo khanstva: prichiny i posledstviya (kriticheskiy razbor novykh tendentsiy sovremennoy rossiyskoy istoriografii) [The conquest of the Kazan Khanate: causes and consequences (critical analysis of new trends in modern Russian historiography)], in *Tatarskiy narod posle 1552 goda: poteri i priobreteniya* [Tatar people after 1552: losses and gains]. Kazan': Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2003. Pp. 61–135 (in Russian).

Kotlyarov D.A. *Moskovskaya Rus' i narody Povolzh'ya v XV–XVI vv.: U istokov natsional'noy politiki Rossii* [Muscovite Rus' and the peoples of the Volga region in the 15th–16th centuries: At the origins of Russia's national policy]. Izhevsk: Udmurt University Publ. House. 2005. 314 p. (in Russian).

Materialy kruglogo stola "Moskovskoe gosudarstvo i postzolotoordynskie tyurko-tatarskie gosudarstva; istoriya vzaimootnosheniy" (16 marta 2012, g. Kazan') [Materials of the round table "Moscow state and post-Golden Horde Turkic-Tatar states; history of relationships" (March 16, 2012, Kazan)], in *Srednevekovye tyurko-tatarskie gosudarstva*. 2012. Iss. 4. Pp. 170–229 (in Russian).

Moiseev M.V. Zolotaya Orda posle Zolotoy Ordy? Rets. Rakhimzyanov B.R. Moskva i tatarskiy mir: sotrudnichestvo i protivostoyanie v epokhu peremen, XV–XVI vv. St. Petersburg.: Evraziya, 2016. 396 s. [Golden Horde after the Golden Horde? Review on. Rakhimzyanov B.R. Moscow and the Tatar world: cooperation and confrontation in an era of change, 15th–16th centuries. St. Petersburg: Eurasia, 2016. 396 p.], in *Istoricheskaya ekspertiza*. 2017. No. 3. Pp. 177–186 (in Russian).

Moiseev M.V. Obosnovanie prav na Kazanskoe khanstvo v russkom srednevekovom narrative [Justification of the rights to the Kazan Khanate in the Russian medieval narrative], in *Mininskie chteniya: Trudy uchastnikov mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Nizhegorodskiy gosudarstvennyy universitet im. N.I. Lobachevskogo (24–25 oktyabrya 2008 g.)* [Minin Readings: Proceedings of the participants of the international scientific conference. Nizhny Novgorod State University N.I. Lobachevsky (October 24–25, 2008)]. Nizhny Novgorod, 2010. Pp. 395–402.

Mustakimov I.A., Trepavlov V.V. "Chingisidskoe" proiskhozhdenie khristianskikh monarkhov v tyurkskoy i mongol'skoy istoricheskoy traditsii ["Genghis" origins of Christian monarchs in the Turkic and Mongolian historical tradition], in *Tyurkologicheskiy sbornik*.

2011–2012. *Politicheskaya i etnokul'turnaya istoriya tyurkskikh narodov i gosudarstv* [Turkological Collection. 2011–2012. Political and ethnocultural history of Turkic peoples and states]. Moscow: Vostochnaya literatura, 2013. Pp. 255–262 (in Russian).

Prisoedinenie Srednego Povolzh'ya k Rossiyskomu gosudarstvu. Vzgl'yad iz XXI veka. "Kruglyy stol" v Institute rossiyskoy istorii RAN [Joining of the Middle Volga Region to the Russian State. A View from the 21st century. "Round Table" at the Institute of Russian History RAS]. Moscow: Institut rossiyskoy istorii Rossiyskoy akademii nauk Publ., 2003. 38 p. (in Russian).

Rakhimzyanov B.R. *Moskva i tatarskiy mir: sotrudnichestvo i protivostoyanie v epokhu peremen, XV–XVI vv.* [Moscow and the Tatar world: cooperation and confrontation in an era of change, 15th–16th centuries]. St. Petersburg: Eurasia Publ., 2016. 396 p. (in Russian).

Rudakov V.N. *Mongolo-tatary glazami drevnerusskikh knizhnikov serediny XIII–XV vv.* [Mongol-Tatars through the eyes of ancient Russian scribes of the middle of the 13th–15th century]. Moscow: Kvadriga Publ., 2009. 248 p. (in Russian).

Sbornik Russkogo imperatorskogo istoricheskogo obshchestva. T. 95. Pamyatniki diplomaticheskikh snosheny Moskovskogo gosudarstva s Krymom, Nagayami i Turtsieyu. T. II [Collection of the Russian Imperial Historical Society. Vol. 95. Monuments of diplomatic relations of the Moscow state with Crimea, Nogays and Turkey. Vol. 2]. St. Petersburg: S.P. Yakovlev Publ., 1895. 796 p. (in Russian).

Solodkin Ya.G. *Tatary v izobrazhenii avtora "Kazanskoy istorii"* [Tatars in the image of the author of "Kazan Chronicle"], in *Slavyane i ikh sosedi*. Iss. 10. 2001. Pp. 197–212 (in Russian).

Trepavlov V.V. *Tyurkskie narody Povolzh'ya i Priural'ya: ot Zolotoy Ordy k Moskovskomu tsarstvu (problemy adaptatsii)* [Turkic peoples of the Volga and Ural regions: from the Golden Horde to the Muscovite Tsardom (problems of adaptation)], in *Die Geschichte Russlands im 16. und 17. Jahrhundert aus der Perspektive seiner Regionen (Forschungen zur osteuropaischen Geschichte. B. 63)*. Ed. by A. Kappeler. Wiesbaden: Harrasowitz Verlag, 2002. Pp. 279–292 (in Russian).

Trepavlov V.V. *Zolotaya Orda posle raspada: vospominaniya o edinстве* [The Golden Horde after the collapse: memories of unity], in *Tyurkologicheskii sbornik. 2009–2010. Tyurkskie narody Evrazii v drevnosti i srednevekov'e* [Turkological Collection. 2009–2010. The Turkic peoples of Eurasia in antiquity and the Middle Ages]. Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 2011. Pp. 360–383 (in Russian).

Trepavlov V.V. *Vvedenie* [Introduction], in *Zolotaya Orda v mirovoy istorii*. [Golden Horde in world history]. Collective monograph. Kazan': Sh. Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2016. Pp. 3–12 (in Russian).

Trepavlov V.V. *Tyurkskoe kazachestvo vo vremena i posle raspada Zolotoy Ordy* [Turkic Cossacks during and after the collapse of the Golden Horde], in *Kazachestvo v tyurkskom i slavyanskom mirakh: koll. Monografiya* [Cossacks in the Turkic and Slavic worlds: coll. Monograph]. Ed. by V.V. Gribovsky, V.V. Trepavlov Kazan': Sh. Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2018. Pp. 173–201 (in Russian).

Trepavlov V.V. *Istoriya Nogayskoy Ordy* [History of the Nogai Horde]. 3rd ed. Moscow: Quadriga Publ., 2020. 1040 p. (in Russian).

Tizengauzen V.G. *Sbornik materialov, otnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordy. T. 1. Izvlecheniya iz sochineny arabskikh* [Collection of materials related to the history of the Golden Horde. Vol. 1. Extracts from Arabic works]. St. Petersburg: S.G. Stroganov Publ., 1884. 584 p. (in Russian).

Usachev A.S. "Tretiy Rim" ili "Tretiy Kiev"? (Moskovskoe tsarstvo XVI veka v vospriyatii sovremennikov) [The "Third Rome" or the "Third Kiev"? (Muscovite Tsardom of the 16th Century in the Perception of Contemporaries)], in *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2012. No. 1. Pp. 69–87 (in Russian).

Usmanov M.A. Sosedni nazyyali ikh "tatarami" [Neighbors called them "Tatars"], in *Rodina*. 1997. No. 3–4. Pp. 40–44 (in Russian).

Usmanov M.A. Istoriya Ulusa Dzhuchi i nekotorye osobennosti ee interpretatsii v noveyshee vremya [History of Jochi Ulus and some features of its interpretation in modern times], in *Istoriya tatar s drevneyshikh vremen. V semi tomakh. Tom III. Ulus Dzhuchi (Zolotaya Orda). XIII–seredina XV v.* [History of the Tatars since ancient times. In seven volumes. Vol. 3. Jochi Ulus (Golden Horde). 13th–middle 15th century]. Kazan': Institute of History. Sh. Marjani AS RT, 2009. Pp. 3–15 (in Russian).

Usmanov M.A. Zaklyuchenie [Conclusion], in *Istoriya tatar s drevneyshikh vremen. V semi tomakh. Tom III. Ulus Dzhuchi (Zolotaya Orda). XIII–seredina XV v.* [History of the Tatars since ancient times. In seven volumes. Vol. 3. Jochi Ulus (Golden Horde). 13th–middle 15th century]. Kazan': Institute of History. Sh. Marjani AS RT, 2009. Pp. 731–732 (in Russian).

Filyushkin A.I. Gramoty novgorodskogo arkhiepiskopa Feodosiya, posvyashchennye "Kazanskomu vzyatiyu" [Letters of the Archbishop of Novgorod Theodosius, dedicated to the "Kazan capture"], in *Germenevtika drevnerusskoy literatury*. Collection 10. 2000. Pp. 327–346 (in Russian).

Sherstova L.I. *Tyurki i russkie v Yuzhnoy Sibiri: etnopoliticheskie protsessy i etnokul'turnaya dinamika XVII–nachala XX veka* [Turks and Russians in the Southern Siberia: ethno-political processes and ethnocultural dynamics of the 17th–early 20th century]. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography Publishing House, 2005. 312 p. (in Russian).

Статья принята к публикации 31.01.2022